

Дж.Луццатто

**Экономическая история
Италии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д40

Д40 **Дж.Луццатто**
Экономическая история Италии / Дж.Луццатто – М.: Книга по Требованию,
2021. – 456 с.

ISBN 978-5-458-35995-5

"Неоспоримые достоинства работы - привлечение огромного числа источников и обширной литературы, сведение воедино серьезного и обильного фактического материала, ясность и простота изложения - все это делает ее особо ценной для читателя. Книга Луццатто - не единственная работа по экономической истории Италии. Над этими проблемами трудились не только, и, может быть, не столько итальянские историки, сколько историки других стран: немцы, англичане, французы. Существуют работы более полные и более солидных размеров, чем работа Луццатто, достаточно назвать немецкую работу А.Дорена "Хозяйственная история Италии" или работу Л. Гартмана (последняя, правда, касается не только экономики Италии), и, тем не менее, работа итальянского историка имеет ряд преимуществ. Она менее громоздка, более четко формулирует свои задачи и лишена той ученой тяжести, которая так характерна для названных выше немецких работ."

ISBN 978-5-458-35995-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

готов и лангобардов в единую итальянскую народность, начинается собственно история Италии.

Мы не будем здесь останавливаться на первом разделе книги и ограничимся лишь несколькими замечаниями. Такие замечания тем более необходимы, что рассматриваемая нами книга является работой прогрессивного буржуазного историка, который, однако, далек от марксистско-ленинской методологии и, хотя и придает большое значение экономической истории, но все же ни в коей мере не руководствуется принципиальными положениями исторического материализма. Неизбежным результатом является тот факт, что многие важнейшие проблемы истории Италии нашли в книге не вполне верное, а иногда и совсем неверное освещение.

Мы напрасно стали бы искать у автора марксистского понимания процесса перехода от одной формации к другой, равно как и самого понятия общественно-экономической формации. Вследствие этого у Луццатто, когда он говорит об экономике древнего Рима, наряду с правильным утверждением, согласно которому основой римской экономики было рабовладельческое хозяйство, мы можем найти положения, которые свидетельствуют о том, что он ушел недалеко от таких историков, как Сальвиоли, утверждавшего, что в древнем Риме существовал капитализм. Луццатто утверждает, что всякое «рационально организованное предприятие с целью получения прибыли» есть капиталистическое предприятие, а так как древности были известны подобного рода предприятия, то, стало быть, нет оснований отрицать существование в древнем Риме капитализма, буржуазии и т. д. В этом отношении он, несомненно, находится под влиянием таких реакционных историков, как Пельман и особенно Ростовцев, которого он охотно цитирует и на которого часто ссылается. И это вполне понятно. В трудах Ростовцева он нашел попытку обобщения последнего периода античной истории; именно Ростовцев впервые попытался найти социальную базу императорского режима в Риме, исходя из позиций, враждебных марксистской концепции истории в целом. Он увидел эту социальную базу вначале в «победившей итальянской буржуазии», а затем в «буржуазии многочисленных провинциальных городов». Ростовцеву свойственна та модернизация, которая заметна и в труде Луццатто. Он следует Ростовцеву, хотя и с некоторыми

оговорками, и в вопросе о причине упадка и гибели Рима. Опять-таки это объясняется тем, что в литературе, которая была для него доступна, нет еще построенного на научной марксистской основе решения этого вопроса. Книга советского ученого Н. А. Машкина в настоящее время только переводится на итальянский язык. Единственные работы, рассматривавшие эту важную проблему в целом, — это «Социально-экономическая история Римской империи» и «Социальная и экономическая история Эллинистического мира» Ростовцева, отправляясь от которых автор пытается дать свое объяснение проблемы.

Впрочем, Луццатто не во всем следует за Ростовцевым. «В том, как Ростовцев объясняет причины упадка Рима и Италии, несомненно нашли свое отражение (хотя сам автор об этом и не говорит) наблюдения над теми изменениями во взаимоотношениях между большими странами — колонизаторами и их колониальными владениями по ту сторону океана, которые произошли в наше время. Экономическое развитие современных колоний, обусловленное инициативой метрополий, вложенным ею капиталом, а отчасти даже и трудом, более столетия было одной из главных причин бурной промышленной и торговой экспансии метрополии и ее невиданного процветания. Однако, когда колониальные владения достигли определенной зрелости, метрополия, боясь, что они могут совершенно отделиться, принуждена была предоставить им полную административную, таможенную, а до известной степени и политическую автономию. В конечном итоге колонии добились полной экономической независимости, а в ряде случаев превратились в опасных конкурентов метрополии в области промышленности и торговых отношений» (стр. 110). Так резюмирует концепцию Ростовцева наш автор и тут же высказывает свое несогласие с этой концепцией. «Экономическое соперничество провинций, — говорит он (стр. 113), — является одним из весьма многочисленных признаков прогрессирующего перемещения жизненных сил империи из Италии в провинции». Но это «соперничество провинций следует рассматривать не как первопричину упадка страны... а как одно из проявлений этого упадка... Наряду с этим соперничеством можно указать также на ряд других явлений, которые приводили к тому же результату (если ограничиться явлениями, непосредственно связанными с

экономической жизнью): быстрое увеличение и без того крайне тяжелого налогового гнета, концентрация богатств, экономические затруднения, вызванные характером рабовладельческого хозяйства, убыль населения» (стр. 113). Экономическим затруднениям, вызванным характером рабовладельческого хозяйства, Луццатто совершенно справедливо придает огромное значение (см. стр. 114—115). «Согласно общему мнению, — говорит автор, — наряду с описанными выше причинами одной из самых важных причин, способствовавших не только моральному разложению римского общества, но и ослаблению его экономической структуры, является рабство. На первый взгляд кажется, что это утверждение находится в противоречии с той ролью, которую, как уже указывалось, рабство играло в развитии сельскохозяйственной и промышленной техники Рима. Но это только кажущееся противоречие. В самом деле, в период завоевательных войн, подчинивших Риму Великую Грецию, Сицилию, все владения Карфагена, Македонию, Грецию, эллинизированный Восток и, наконец, Египет, приток большого количества рабов, происходивших из стран более высокой культуры и обладавших поэтому навыками, совершенно неизвестными римским земледельцам и ремесленникам, землевладельцам и предпринимателям, в огромной степени способствовал повышению жизненного уровня, культуры и технических приемов победителей... Однако, как только иссяк приток военнопленных, положительное значение, которое рабство имело в первый период, было сведено на нет теми вредными последствиями, которые являлись неизменными спутниками рабства: физический труд стали считать занятием презренным, и многие свободные перестали им заниматься, ибо их труд не мог конкурировать с рабским трудом и им трудно было привыкнуть к работе бок о бок с рабами, на равном положении с ними, а часто и в подчинении у них...» На основании изучения огромного фактического материала автор, таким образом, довольно близко подошел — и в этом его несомненная заслуга — к тому выводу, который в свое время сделал Энгельс об упадке Римской империи. «Для громадной массы людей на огромной территории, — писал Энгельс, — единственной объединяющей связью служило Римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам

превратился в провинциальный город, подобный другим, — привилегированный, но уже переставший господствовать, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их наместников, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей... Рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое *уже* не могло, второй *еще* не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция»¹.

Вторая часть книги посвящена истории средневековой Италии до конца XV века. И в этой части советский читатель напрасно будет искать ответов на ряд важных для него принципиальных вопросов. У Луццатто он не найдет проблемы перехода от рабовладельческой формации к феодальной. Более того, та картина, которую вслед за Фюстель де Куланжем рисует автор, далека от действительности. Совершенно справедливо отмечая, что германское общество стояло на более ранней ступени развития, чем римское, Луццатто, однако, пытается доказать близость общественного строя германцев и римлян, преувеличивая их взаимовлияние (которое, несомненно, имело место до вторжения варваров). Подобная точка зрения позволяет автору отрицать ту решающую роль, которую германские завоевания сыграли в истории Западной Европы: «Вторжения, — пишет Луццатто, — не привели ни к систематическим разрушениям, ни к полному ограблению и расхищению всего имущества населения покоренных территорий, — если исключить случаи насилия и грабежей,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125, 127.

неизбежных в момент первого столкновения. Возникшие в Галлии, Испании, Африке и, наконец, также в Италии романо-германские королевства не только не порвали с традициями империи, но ни в области права или экономики, ни в области религии и культуры не создали ничего нового, что можно было бы противопоставить римским учреждениям и обычаям» (стр. 153). Чуждый пониманию общественно-экономических формаций, автор не видит рождения новых феодальных отношений. Читатель ничего не узнает из книги относительно того земельного строя, который принесли с собой варвары-германцы. Ни слова автор не говорит об общине у германских племен, об алоде, о начале закрепощения основной массы ранее свободных членов земледельческой общины-марки.

□ В тесной связи с этим стоит и его понимание феодализма — в этот термин он вкладывает чисто политическое содержание, сознательно отбрасывая понятие феодализма как общественно-экономической формации. «Феодальная система, — пишет он, — сложившаяся в лангобардской Италии при последних Каролингах и особенно в период независимого Итальянского королевства, имела по существу политическое содержание. То экономическое содержание, которое обычно ей приписывается, является большей частью следствием смешения понятий феода и крупной земельной собственности» (стр. 203). Вот почему процесс феодализации сводится автором главным образом к проблеме образования феодальной иерархии в среде господствующего класса (см. стр. 201—204), которая и представляется основой феодальной системы. Правда, он говорит о процессе, идущем снизу, о закабалении непосредственных производителей в результате коммендации (стр. 204), но об этом говорится кратко, и читатель в этом отношении больше почерпнет из старых работ русских буржуазных ученых П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевского, чем из новой книги Луццатто. «Следует, таким образом, помнить, что под феодальной эпохой, периодом господства феодальных отношений автор, в отличие от историков-марксистов, понимает только период феодальной раздробленности, период господства ленной системы.

И, тем не менее, в работе много интересного материала даже и о раннефеодальном периоде. Глава II, посвященная истории Италии до Каролингского завоевания, дает интересный материал о Южной Италии, позволяющий

понять начало той проблемы Юга, которая отнюдь не утратила своего значения и для современной Италии: проблема запоздалого здесь развития и чрезвычайно длительного сохранения феодальных отношений, проблема крупных латифундий и тяжелого положения крестьянства.

Одной из наиболее интересных и важных проблем, затронутых автором в разделе, посвященном раннему средневековью, является проблема натурального хозяйства. Переход к натуральному хозяйству уже в период Поздней Римской империи — факт несомненный, засвидетельствованный рядом источников. Упадок городов, отлив населения в сельские местности, глубокий кризис в сфере торговой и финансовой, создание экономически обособленных поместных организмов — эти и ряд других признаков ясно свидетельствуют о возврате экономики Италии к натуральному хозяйству. Луцчатто и не отрицает этого. «Можно считать, — пишет он, — что эта эпоха была временем господства натурального хозяйства, для которого характерно отсутствие денежного обращения, отсутствие слоя профессиональных торговцев» (стр. 182). Однако, говоря о натуральности хозяйства, автор имеет в виду те тенденции к экономической замкнутости, которые обнаружило в данную эпоху крупное поместье. Если же рассматривать экономику Италии в целом, то нам, по мнению автора, представится совершенно иная картина. Разумеется, Луцчатто не отрицает экономического кризиса конца Римской империи, и, в частности, упадка городов; тем не менее он полагает, что этот упадок никогда не был полным. В лангобардской Италии уже в период Лиутпранда и Айстульфа началось возрождение городов, а многие из них вообще никогда не переставали существовать в качестве экономических центров, сосредоточения ремесла и торговли. В Италии никогда не исчезло ремесло, не прекращали существования ремесленные корпорации, сохранился слой купцов, продолжавших подвизаться в сфере внешней торговли (особенно с Востоком). Таким образом, по мнению автора, Италия — и в том ее отличие от стран, расположенных по ту сторону Альп, — не знала натурального хозяйства в полном смысле этого слова. Не отрицая тенденции поместья к экономической автономии, не отрицая факта вотчинного ремесла, а также того факта, что «потребности деревни, для удовлетворения которых приходилось обращаться к городу,

резко уменьшились», автор полагает, тем не менее, что «товарные отношения не исчезли полностью и сохранили такой характер, который объясняет наличие в городе наряду с мелкими, средними и крупными торговцами слоя свободных ремесленников» (стр. 188).

Луццатто отнюдь не ставит под сомнение, как это нередко делают реакционные буржуазные историки, натуральный характер хозяйства в Европе раннего средневековья, он только отмечает особенности в развитии Италии и других стран, подвергшихся сильному влиянию Рима. Тем не менее в борьбе двух концепций — одна из которых признает натуральный характер хозяйства Италии в раннее средневековье, а другая отрицает его — Луццатто скорее склоняется к последней. Италия, по его мнению, оставалась страной, «где деревне никогда не удавалось занять господствующее положение; главным центром общественной жизни попрежнему оставался город» (стр. 186). Столь далеко идущий вывод вызывает сомнение хотя бы уже по одному тому, что вряд ли факт преобладания городского строя может быть доказан источниками.

Вопрос о характере экономики Италии в раннее средневековье представляется одним из наиболее сложных, он еще не настолько исследован, чтобы можно было с определенностью прийти к тому или иному выводу. Однако все то, что известно об экономическом состоянии страны в период Поздней Римской империи, а также в готский и лангобардский периоды — упадок городов и постепенное развитие поместного строя, — все это противоречит выводам Луццатто о *преобладании* городского строя в Италии раннего средневековья.

Тем не менее попытка автора выделить в этом отношении Италию из ряда других стран является, как нам кажется, вполне закономерной. Уже сам материал, который приводит автор, свидетельствует о сохранении городских ремесленных коллегий, о развитии торговли, которой занимались купцы-горожане, то есть о том, что города как центры ремесла и торговли в какой-то форме продолжали существовать. Следовательно, в Италии элементы товарности в хозяйстве должны были сохраниться в большей степени, чем в других областях, та грань между городом и сельской местностью — грань, которая в других странах исчезла совершенно, — здесь стерлась

неполностью. Во всяком случае, следует отметить, что сама постановка вопроса (равно как и привлеченный автором материал) заслуживает всяческого внимания и должна стать предметом детального исследования. Приходится пожалеть, что Луццатто ни в какой степени не затронул вопроса о том, как товарно-денежные отношения, которые, по его мнению, играли столь значительную роль в экономике Италии, влияли на развитие деревни, на положение крестьянства. Исследование в этой области в значительной степени способствовало бы разрешению столь важной проблемы.

Впрочем, положению итальянского крестьянства в книге уделено — и в этом один из главных ее недостатков — весьма незначительное место. Внимание автора направлено в основном на городское развитие, что же касается тех процессов, которые происходили в итальянской деревне, то они отнюдь не нашли в работе должного отражения. Между тем история итальянского крестьянства представляет огромный интерес, хотя бы уже по одному тому, что судьба сельского населения в Италии значительно отличается от его судьбы в других странах. Процесс проникновения в деревню товарно-денежных отношений, изменения в связи с этим характера крестьянского держания, процесс освобождения крестьян из-под власти сеньера — все эти вопросы не получили должного освещения в книге. Проблемы положения крестьянства в период городских коммун попадают в сферу внимания автора только постольку, поскольку речь идет о взаимоотношении крестьянства и городов, — здесь автор приводит обширный и весьма интересный материал. Между тем этой проблемой история крестьянства в период городских коммун, разумеется, отнюдь не ограничивается.

Этот период в истории Италии представляет собою своеобразную и исключительно интересную страницу. Это не только время крупнейшего в истории Италии крестьянского восстания под руководством Дольчино на севере Италии и многочисленных крестьянских восстаний в других местах Апеннинского полуострова, но и время, когда, правда, на короткий срок, возникли и существовали параллельно городским деревенские коммуны — явление почти неизвестное в истории других стран Европы. Автор упоминает об их существовании (см. стр. 301), но не останавливается ни на причинах этого явления, ни на их

внутреннем устройстве, и это тем менее понятно, что итальянские историки интересовались этим вопросом, и один из них посвятил ему капитальную двухтомную работу (R. Caggese, *Le classi e le comuni rurali d'Italia in medio evo*), которую автор приводит в перечне литературы.

Наибольший интерес представляет та часть книги, которая посвящена городам Италии, особенно в период городских коммун. Здесь автор располагает обширным и весомым материалом, здесь он подводит итоги всему тому, что сделано итальянской буржуазной наукой, естественно, интересующейся блестящим прошлым своей торговой и промышленной буржуазии. На основе огромного фактического материала автор показывает процесс возникновения городских коммун, их развитие в период крестьянских походов, их борьбу друг с другом. Городскую жизнь Италии он рисует в самых разнообразных аспектах. Здесь и устройство итальянских цехов и структура торговых компаний, здесь и перечисление различных отраслей производства и широкая картина международных связей итальянских купеческих домов. В разделах, посвященных городам, читатель найдет много нового и чрезвычайно интересного материала. Не ограничиваясь общим обзором положения городской Италии, автор дает в высшей степени интересные и насыщенные ценным материалом очерки по экономической истории отдельных городов, таких, как Венеция, Генуя, Сиена и др.

Следует отметить, что и эта часть работы не свободна от недостатков. Автор уделяет большое внимание таким проблемам, как организация и развитие торговли, описание торговых путей, видов товаров и т. д., подробно описывает финансовую систему, монетное дело и кредит, что же касается столь важного вопроса, как организация производства, то он освещен менее подробно. Правда, автор говорит о возникновении капиталистических отношений в Италии, о рассеянной мануфактуре, подробно перечисляет различные отрасли производства, однако о самой структуре производства он говорит сравнительно мало; между тем этот вопрос уже настолько изучен в литературе, что ему можно было бы уделить несравненно большее внимание.

Сама проблема возникновения в Италии элементов капиталистических отношений (равно как и вопрос о причинах гибели этих первых в Европе капиталистических

ростков) далеко еще не решена, требует специального исследования и, как нам кажется, должна была быть более полно освещена в настоящей книге.

Автору можно сделать и другой упрек: в книге по экономической истории страны следовало бы уделить несравненно большее внимание положению различных социальных слоев городского населения. Этого в книге нет, что, несомненно, является большим пробелом. Еще более удивительным кажется полное молчание автора о восстании предпролетариата в итальянской промышленности и прежде всего о восстании чомпи во Флоренции в 1378 году. Повидимому, автор не считает такие события относящимися к истории хозяйства, понимая последнюю в узко техническом и экономическом смысле и не затрагивая всего того, что входит в понятие производственных отношений.

Тем не менее разделы, посвященные городам-коммунам, — эти разделы являются, несомненно, самыми сильными в книге — представляют большой интерес не только своим огромным, в значительной части новым архивным материалом, но и рядом поставленных здесь проблем. Многие из этих проблем должны стать предметом специального исследования.

Книга Дж. Луццатто, несмотря на присущие некоторые недостатки и пробелы, представляет собой, таким образом, весьма серьезный сводный труд, написанный на основе огромного фактического материала и ставящий ряд важнейших проблем экономической истории Италии. Эта первая на русском языке общая работа по экономической истории древней и средневековой Италии несомненно представит большой интерес для советского читателя.

С. Сказкин.